

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.1\(31\).186350](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.1(31).186350)

УДК 130.2

Елена Колесник

ЮМОР ПАЛЕОНТОЛОГОВ

В статье рассматриваются разные варианты комического, представленные в палеонтологической литературе. Показаны основные сферы использования юмора при изложении научного материала. Продемонстрировано что в некоторых случаях достигается не просто популяризация материала, но и введение его в новые культурные контексты.

Ключевые слова: юмор, палеонтология, научно-популярная литература.

Постановка проблемы. Как известно, чувство юмора непосредственно связано с нестандартностью мышления, что является нелишним для ученого. Многие представители самых различных наук (далеко не только гуманитарных) так или иначе продемонстрировали свое понимание комического. Хотелось бы обратиться к теме, которой, насколько известно, не было посвящено специальных исследований – к проявлениям юмора в профессиональной и литературной деятельности палеонтологов.

Изложение основного материала. Сначала следует определить, в каких сферах этой деятельности комическое встречается крайне редко из-за своей неуместности. Во-первых – в детских изданиях (около 99,9 % всей палеонтологической литературы на полках магазинов – это однообразные «энциклопедии динозавров» для начинающих). Читатель-новичок может не понять юмор и воспринять шутку серьезно, что приведет к формированию неправильного мнения.

Во-вторых – в специализированных научных публикациях, требующих точности и недвусмысленности изложения. Хотя порой бывают исключения. Например, в фундаментальной монографии М. Ивахненко есть пример иронии по отношению к мнению научного оппонента: «Е. Д. Конжукова... предполагала “полуводный” образ жизни для такой узкотелой и длинномордой формы, как *Platyoposaurus*, для которой допускалось лишь факультативное пребывание в воде во время питания; вряд ли можно полагать, что лабиринтодонты размножались на суше – но в таком случае, если и питание, и размножение происходило в воде, то непонятно, что делали “полуводные” формы на суше» [Ивахненко 2001].

Но основной простор для юмора дают научно-популярные издания, построенные не как энциклопедия или справочник, а как изложение истории Земли в вольной форме. Отнюдь не претендуя на полный обзор темы, хочу привести несколько ярких образцов юмора палеонтолога в порядке их написания.

Один из первых примеров русскоязычного палеонтологического юмора – стихотворение Михайла Ломоносова:

В тополовой тени гуляя, муравей

В прилипчивой смоле увяз ногой своей...

Хотя он у людей был в жизнь свою презренный,

По смерти ж в янтаре у них стал драгоценный [Ивахненко, Корабельников 1987: 27].

Порой при наименовании животных возникает незапланированный комический – в несколько гротескном ключе – эффект. Так, П. Амалицкий, основоположник изучения пермской фауны на территории Российской империи (до того она была известна практически только по образцам из Южной Африки), производил чрезвычайно важные и чрезвычайно трудные раскопки на Северной Двине вместе со своей женой и соратницей Анной Петровной, делившей с ним все невзгоды. Откопав интересное зверозубое, Амалицкий решил назвать новый вид в честь своей спутницы жизни – *Anna petri* (Анна Петровна). Правда, это название по чисто таксономическим причинам было в 1961 заменено на Аннатерасид петри (терасид Анны Петровны). Видимо, так действительно лучше (рис. 1).

В других случаях ученые, дающие наименования животным, вполне сознают семантический и стилистический эффект. Например, название «галлюцигения» отражает удивительный внешний вид одного из древнейших морских существ, настолько непохожего на все известные формы, что специалисты не сразу разобрались, и решили, что оно ходило на «ходулях» и размахивало щупальцами на спине (рис. 2).

Теперь полагают, что «щупальца» – это ножки, а «ходули» – шипы, защищавшие зверька сверху (рис. 3).

Еще один случай – название «ирритатор» («раздражитель»), отразившее состояние души палеонтологов, вынужденных работать с черепом динозавра, сильно попорченным аматорами. Интересным выходом для автора, который хочет совместить высокую научность с некоторой резвостью изложения, являются эпитафии. Так, Ю. Орлов (в честь которого назван Палеонтологический музей в Москве) в своей книге «В мире древних животных» дает серию весьма глубоких и специализированных исследований, к которым подбирает любопытные, часто курьезные эпитафии. Например, к разделу об индрикотериевой фауне (названной в честь гигантского носорога): «Ндоздрох-зверь приличен слону, а страшнее слона, уши у него медвежьи, а очи под горлом, рога на губе, а рогами может великое древо искоренить». «Азбуковник» [Орлов 1989: 59]. К новаторской статье о возможности исследований строения мозга ископаемых животных по окаменелостям цитата подбирается более

Рис.1. *Annatherapsidus petri*

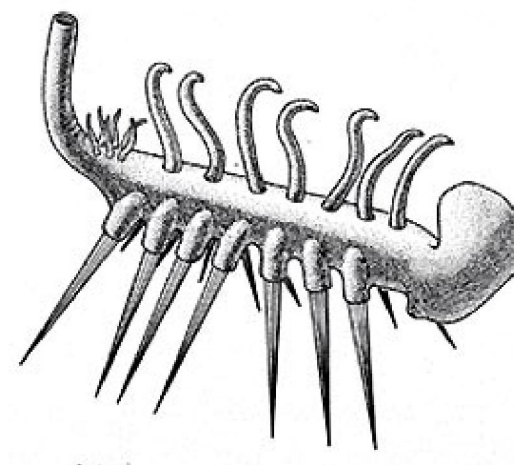

Рис. 2. Галлюцигения (вариант 1).

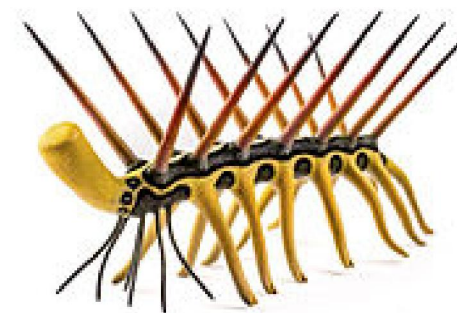

Рис. 3. Галлюцигения (вариант 2)

серьезная, из «О страстях души» Р. Декарта: «Душа имеет свое местоположение преимущественно в маленькой железе, расположенной в центре мозга» [Орлов 1989: 151]. Порой связь научного исследования и фольклорного эпиграфа весьма глубока. Например, упоминающийся в «Стихе о Голубиной книге» «индрик-зверь всем зверям отец...» дал имя индрикотирию, крупнейшему сухопутному млекопитающему.

Наибольший простор для стилистических изысков дает научно-популярная литература. Многие ее образцы отличаются живостью и красотой изложения.

Интересным приемом, необычным для рассчитанных на юношество популярных книг, является признание автором собственного незнания. Так, в одной очень качественной книге читаем: «Чтобы проверить эту... гипотезу, надо знать, как были устроены и как жили насекомые карбона. При попытке написать об этом, авторы, к стыду своему, убедились, что они знают примерно то же, что знают и предполагаемые читатели. О том, что насекомые появились в карбоне, а стрекозы достигли рекордных размеров, скупо сообщает школьный учебник биологии. Те же сведения можно почерпнуть и в учебниках для университетов, и в общих курсах палеонтологии, и в популярных книгах, написанных палеонтологами. Меняется только размах стрекозиных крыльев: 70 сантиметров, 75, 80, метр ровно!» [Яковлева, Яковлев 1983: 83].

Поясняется это тем, что учебники и популярные книги по палеонтологии пишут, в основном, специалисты по морской фауне прошлых эпох и специалисты по древним позвоночным животным. Когда же авторы обратились к палеоэнтомологам за консультацией, то те снабдили их массой противоречивых сведений. В итоге, «Усталые, но довольные, мы покидаем гостеприимную лабораторию на Полянке с твердым намерением как можно меньше писать о насекомых в следующих главах. Гораздо лучше бы это сделали наши коллеги-палеоэнтомологи» [Яковлева, Яковлев 1983: 85].

Тонкая ирония сквозит в капитальном труде выдающегося британского палеонтолога Р. Форти. Прочитав название – «Жизнь. Неавторизованная биография» уже не удивляешься ни ссылкам на философию и беллетристику – от Платона до Кольриджа, ни названиям отдельных глав типа *My Animals and other families* [Fortey 2008: 89] (аллюзия на книгу Дж. Даррелла «Моя семья и другие звери», в советские времена широко известную под урезанным названием «Моя семья и звери»).

На постсоветских пространствах живостью изложения отличается другой ведущий палеонтолог – К. Еськов. Среди любителей фантастики он более известен как автор «Последнего кольценосца», где метод «палеонтологической» реконструкции применяется к литературному тексту.

Так, если представить, что «Властелин Колец» Толкина описывает реальный мир, то изложение событий в нем не может быть абсолютно точным. Используя метод критики источников можно попытаться восстановить «истинные события». Тут встает вопрос о «присваивании» чужого художественного мира. Подход спорный, особенно когда он был применен к Библии в «Евангелии от Афрания», но полученные результаты достаточно интересны для получения престижной премии и читательского интереса.

Изложение собственно научного материала у Еськова тоже не лишено юмора. Например, «Чтобы запомнить последовательность периодов, составляющих фанерозой (кембрий, ордовик, силур, девон, карбон, пермь, триас, юра, мел, палеоген, неоген, антропоген), студенты испокон веков пользуются мнемонической фразой не вполне педагогического свойства: “Каждый отдельный студент должен купить пол-литра. Ты, Юрик, мал – подожди немного, а то...”» [Еськов 2012: 64]. Любопытно, что в украинском переводе эта мнемоническая фраза пропала. То ли из-за трудностей перевода, то ли из педагогических соображений.

В тексте немало примеров авторской язвительной иронии. В частности, по поводу модной «астероидной» гипотезы вымирания динозавров: «...большинство палеозоологов не видит никаких оснований к тому, чтобы объяснять эти события вземными (чуть было не сказал “потусторонними”) причинами» [Еськов 2012: 194]. Судя по следующей цитате, такой стиль научного дискурса не нов, только в советские времена он не попадал в научную литературу: «Выдающийся генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский, к примеру, имел обыкновение на все вопросы о происхождении жизни на Земле отвечать: “Я был тогда очень маленьким и потому ничего не помню. Спросите-ка лучше у академика Опарина”» [Еськов 2012: 64].

Некоторый инсайт в стиль общения и профессиональный жаргон палеонтологов дает книга Р. Габдуллина, где в конце приводится «Словарь палеонтологического сленга» (в самом тексте не задействованного). Тут получается, что «карбонарий» – это человек, интересующийся фауной карбона (каменноугольного периода), а «юрист» – человек, собирающий фоссилии из юрского периода. «Палеопень» – это собирательное обозначение ископаемой флоры, а «резинитес» – «научное» название покрывки от колеса грузовика, которые часто встречаются в карьерах, где находят раковины аммонитов [Габдуллин 2013: 301].

Порой авторский юмор настолько ненавязчив, что может остаться незамеченным. Например, у А. Нелихова в «Древних чудовищах России» абзац начинается вполне серьезно: «На хвосте у пситтакозавров росла высокая щетина. Она напоминала иглы дикобраза, но была более гибкой. Щетина подчеркивала социальный статус: чем длиннее и гуще она была,

тем более высокое положение динозавр занимал среди сородичей. Похожую роль играют рога оленей, длинные перья тропических птиц и очень дорогие наручные часы» [Нелихов 2017: 103].

Наибольшей бойкостью стиля отличаются научно-популярные книги одного из ведущих современных российских палеонтологов – А. Журавлева. Первое, что бросается в глаза – названия глав публицистического типа, часто основанные на игре слов или неожиданных метафорах. В англоязычной научно-популярной литературе такие броские заголовки давно стали нормой, а вот на постсоветском пространстве все еще выглядят экзотически. Несколько примеров:

- В середине начал;
- Своих всегда ели в последнюю очередь: общие закономерности в жизни примитивных губок и обитателей кремлевских кабинетов;
- Что было раньше: зубы или челюсти?
- Пусто место долго не бывает;
- Первичного бульона на всех не хватило;
- Создатели озонового щита родины [Журавлев 2006].

Из другой книги:

- Когда поползли грибы?
- Назвался груздем, предъяви документы;
- Тени зарытых предков;
- Словарь неясных слосных слов и малопонятных выражений [Журавлев 2015].

Во-вторых, в самом изложении (с научной точки зрения довольно продвинутом, и уж во всяком случае, написанным не для среднего школьника), встречаются такие пассажи:

«Достаточно назвать трех обычных эукариот, чтобы убедиться в этом: например, мухомор, таракан и человек».

«Подобно настоящей летописи, летопись земных слоев писалась разными, часто неизвестными авторами».

А вот интерпретация классики: «...Таких хищников называют дурофагами. “Фаг” в переводе с греческого означает “пожиратель”. Вторая половина слова распространилась в русском языке благодаря древнегреческим мифам и их непотопляемому герою – Одиссею. Одиссей придумал пустотелого деревянного коня, такого огромного, что он ни в какие ворота не пролезал, и выдал его за якобы бескорыстный подарок троянцам от данайцев. Сам же с вооруженными до зубов головорезами спрятался внутри, чтобы дожидаться темной ночи. Троянцы так обрадовались, что сами разнесли ворота. Лишь бы втащить конягу к себе. “Экая большая дура!” – восхищенно прицокивали троянцы языками, имея в виду жесткость

и твердость (по-гречески – “дурос”) сооружения. ... Место ордовикских дурофагов блюли конодонты и ракоскорпионы» [Журавлев 2006].

Но фирменная авторская особенность изложения – это своеобразные антракты для читателя. После особо сложных теоретических моментов идут палеонтологические сказки – «Страшная сказка про серых волков и красных шапочек», «Основательная сказка про теремок», «Мокрая сказка про Русалочку», «Правдивая песня про гадких лебедей» и пр. Приведу отрывок из «Дурацкой сказки про Ивана-царевича и царевен-лягушек»:

«Тут из тумана болотного выползает зверушка махонькая. Стрелу во рту еле волочит. Лапки у нее из-под тулова чуть выглядывают. Хвост длинный. Глаза во лбу. Голова полумесяцем. И вся такая лепая. (Старое слово “лепый” в нынешнем русском языке не сохранилось. Осталось лишь противоположное по значению слово “нелепый”. Означает оно “вздорный”, “пустой”, “некрасивый”. Может быть, потому, что лепого в жизни встречается гораздо меньше, чем вздорного, пустого и некрасивого)» [Журавлев 2006].

Этот пассаж интересен не только философским, но и филологическим отступлением. Речь в нем идет о лепоспондильных амфибиях, чье название означает «красивопозвонковые», причем автор обыгрывает идентичность формы и смысла слова «лепо» в латыни и в современных славянских языках.

И наконец, упомяну дополненное и обновленное переиздание книги известного палеонтолога и популяризатора науки Д. Диксона «После человека. Зоология будущего» [Диксон 2017]. Автор попытался использовать известные закономерности эволюционных изменений для прогнозирования эволюции живого мира на много тысячелетий вперед. Основными факторами, которые принимаются во внимание, является изменение климата (и географии материков) и заполнение новыми видами экологических ниш, освободившихся при истреблении человеком большей части видов животных. Когда сам человек тоже вымрет, экология восстановится, но уже в новой форме. Как видим, исходный принцип автора достаточно пессимистичен по отношению к нашему собственному виду, но оптимистичен по отношению к биосфере в целом. Некоторые «изобретенные» им виды просто курьезны, что и возвращает нас к теме комического.

Другим трудом Д. Диксона является исследование, как развивались бы динозавры, если бы не вымерли (автор придерживается «астероидной» теории вымирания). Эта книга представляет интересный и редкий жанр «альтернативной палеонтологии», дополняющий уже привычную «альтернативную историю». Диксон известен также как вдохновитель нескольких проектов, из которых наибольшую популярность получил

«Дикий мир будущего». Еще одна его тема – гипотетическое моделирование фауны подобных Земле планет. К этой теме еще в середине XX века обращался И. Ефремов, считавший, что палеонтология как наука неразрывно связана с раскрытием перспектив человека, мира и вселенной.

Выводы. Наиболее непосредственными выводами из исследования является уточнение, в каких именно литературных жанрах научной и научно-популярной, популярной литературы может присутствовать авторский юмор. А именно – это прежде всего научно-популярная литература, рассчитанная не на профессионала, но на достаточно подготовленного читателя. Вторым моментом является констатация увеличения количества и ассортимента авторских приемов создания комического эффекта. Юмор становится более «прозрачным» – от скрытых смысловых и стилистических контрастов у Орлова до публицистических приемов Журавлева. И наконец, исследование собственно юмора при изложении научного материала выводит нас на тему взаимосвязи различных наук, а также науки, философии, искусства. Таким образом, юмор служит не только для более понятной презентации сложного материала, но и для введения этого материала в новый культурный контекст. Примечательным направлением является сближение палеонтологии с футурологией, с альтернативной историей (Диксон) и с литературной интертекстуальностью (Еськов). Дальнейшего исследования заслуживают такие вопросы как различные формы комического, используемые при изложении научного материала в разных дисциплинах, а также выход палеонтологии за пределы изучения прошлого к постижению настоящего и попыткам прогнозирования будущего.

Список использованной литературы

- Габдуллин, Р. (2013) *Доисторическая жизнь*, Москва: ОЛМА, 303 с.
 Диксон, Д. (2017) *После человека. Зоология будущего*, Москва: Колibri, Азбука-Аттикус, 240 с.
 Еськов, К. Ю. (2012) *Удивительная палеонтология: история Земли и жизни на ней*, Москва: ЭНАС-КНИГА, 312 с.
 Журавлев, А. (2006) *До и после динозавров*, Дата звернення: 19.12.18. Режим доступу: <https://www.litmir.me/br/?b=154702&p=18>
 Журавлев, А. (2015) *Парнокопытные киты, четырехкрылые динозавры, бегающие черви... Новая палеонтология: реальность, которая удивительнее фантазий*, Москва: ЛомоносовЪ, 288 с.
 Ивахненко, М. Ф. (2001) *Тетраподы восточно-европейского плакката позднелпалеозойского территориально-природного комплекса*, Пермь, 200 с. Дата звернення: 19.12.18. Режим доступу: <https://books.google.com.ua/books?id=N524Vah8MRAC&pg=PA15&hl=ru&>

- source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false
 Ивахненко, М. Ф., Корабельников, В. А. (1987) *Живое прошлое Земли*, Москва: Просвещение, 255 с.
 Нелихов, А. (2017) *Древние чудовища России. Палеонтологические истории для детей и взрослых*, Москва: Манн, Иванов и Фербер, 144 с.
 Орлов, Ю. А. (1989) *В мире древних животных*, Москва: Наука, 163 с.
 Яковлева, И., Яковлев, В. (1983) *По следам минувшего*, Москва: Детская литература, 319 с.
 Fortey, R. (2008) *Life: An Unauthorized Biography*, London: The Folio Society, 380 p.

Олена Колесник

ГУМОР ПАЛЕОНТОЛОГІВ

В статті розглядаються різні варіанти комічного, представлені в палеонтологічній літературі. Показані основні сфери використання гумору при викладі наукової інформації. Продемонстровано, що в деяких випадках досягається не лише популяризація матеріалу, але й введення його в нові культурні контексти.

Ключові слова: гумор, палеонтологія, науково-популярна література.

Olena Kolesnyk

HUMOR OF PALEONTOLOGISTS

*It is well known that sense of humor is closely connected to person's creative potential. Many scientists showed it in their professional activity and literary works. It is true about the professional paleontologists. Humor is undesirable in two main cases. First is the books for young readers, who cannot be expected to understand author's joke, and encyclopedias and dictionaries, which present the material in objective form. Second case is the strictly scientific texts, which should be devoid of any ambivalence. Still, there are some examples of the comic effect even in the scientific naming of the extinct organisms, such as *Hallucigenia*, or *Irritator*. However, most paleontological jokes are to be found in popular science. They range from slight irony or wry choice of epigraphs to the extensive usage of various jokes. One of the notable examples are books by A. Zhuravlev, who widely uses wordplay in chapter titles. In one of his works, the theoretical material is interlaced with the "paleontological fables". Quite often these jokes make use of philosophical, philologi-*

cal, and culturological material. That is why they can be seen not as just a way of easier presentation of the complex material, but also as a method of creating a new scientific and cultural context.

Keywords: humor, paleontology, popular science.

References

- Gabdullin, R. (2013) *Doistoricheskaya zhizn* [Prehistoric Life], Moskva: OLMA, 303 p.
- Dikson, D. (2017) *Posle cheloveka. Zoologiya buduschego* [After a Man. Zoology of the future], Moskva: KoLibri, Azbuka-Attikus, 240 p.
- Eskov, K. Yu. (2012) *Udivitel'naya paleontologiya: istoriya Zemli i zhizni na ney* [Amazing paleontology: the history of the Earth and life on it], Moskva: ENAS-KNIGA, 312 p.
- Zhuravlev, A. (2006) *Do i posle dinovavrov* [Before and after dinosaurs], Retrieved December 19, 2018, from <https://www.litmir.me/br/?b=154702&p=18>
- Zhuravlev, A. (2015) *Parnokopyitnyye kityi, chetyrehkryilyye dinovavryi, begayushchie chervi...* *Novaya paleontologiya: realnost, kotoraya udivitel'nee fantaziy* [Artiodactyl whales, four-winged dinosaurs, running worms ... New paleontology: a reality that is more amazing than fantasies], Moskva: LomonosovЪ, 288 p.
- Ivahnenko, M. F. (2001) *Tetrapodyi vostochno-evropeyskogo plakkata pozdnepaleozoyskogo territorialno-prirodnogo kompleksa* [Tetrapods of the East European plackat of the Late Paleozoic territorial-natural complex], Perm, 200 s. Retrieved December 19, 2018, from https://books.google.com.ua/books?id=N524Vah8MRAC&pg=PA15&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false
- Ivahnenko, M. F., Korabelnikov, V. A. (1987) *Zhivoe proshloe Zemli* [Living past of the Earth], Moskva: Prosveschenie, 255 p.
- Nelihov, A. (2017) *Drevnie chudovischa Rossii. Paleontologicheskie istorii dlya detey i vzroslyih* [Ancient monsters of Russia. Paleontological stories for children and adults], Moskva: Mann, Ivanov i Ferber, 144 p.
- Orlov, Y. A. (1989) *V mire drevnih zivotnyih*, [In the world of ancient animals] Moskva: Nauka, 163 p.
- Yakovleva, I., Yakovlev, V. (1983) *Po sledam minuvshogo* [In the wake of the past], Moskva: Detskaya literatura, 319 p.
- Fortey, R. (2008) *Life: An Unauthorized Biography*, London: The Folio Society, 380 p.

Стаття надійшла до редакції 19.03.2019.
Стаття прийнята 20.04.2019

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.1\(31\).186351](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.1(31).186351)

УДК 111.852:82.09

Євгенія Буцикіна

«ТРАНСГРЕСИВНИЙ СМІХ» ЖОРЖА БАТАЯ В КОНТЕКСТІ КРИТИКИ ФІЛОСОФІЇ МОДЕРНУ

У статті розглянуто поняття «смiх» у творчості Жоржа Батая як чуттєво-естетичну реакцію на випробовування «меж світу»; а також як метод філософування в рамках критики філософії Модерну (діалектики пана і раба Г. В. Ф. Гегеля). Здійснено аналіз концепції «стриманої та загальної економік» Жака Дерріда, у межах співставлення класичного філософського дискурсу («пан» Гегеля) та його «висміювання» Батаєм («суверен»). Окреслено ключові трактування Батаєвого «смiху» в сучасній естетичній та соціально-філософській думці.

Ключові слова: смiх, Батай, низьке, комічне, трансгресія, діалектика, модерн, пост-модерн, естетика.

Великі трагедії на початку ХХІ століття, зокрема – теракт 11 вересня 2001 року, спричинили переживання жителями усього світу нового, специфічного досвіду. Нехай цей досвід й опосередковано медіа, шокуюча картина падіння веж-близнюків змусила багатьох безпосередньо відчути момент, що розділяє історію людства на «до» та «після», випробовує межі прийнятної і дозволеного та змушує переоцінити і встановити нові границі між «сакральним та профанним, добрим та злим, нормою та патологією, здоровим глуздом та божевіллям, піднесеним та низьким, центром та периферією тощо» [Foucault 1963: 2]. Той тип комплексного переживання, який містить у собі етичну, естетичну та гносеологічну складові, французький мислитель ХХ століття Жорж Батай назвав «внутрішнім досвідом», а його послідовник Мішель Фуко окреслив як досвід «трансгресії»: «Трансгресія – це жест, звернений до межі; там, де на тонкому зламі лінії, миготить відблиск її початку, можливо, також уся тотальність її траєкторії, навіть саме її джерело. ... Межа і трансгресія зобов'язані один перед одним щільністю свого буття; немає межі, через яку абсолютно неможливо переступити; з іншого боку, буде марною будь-яка трансгресія ілюзорної або примарної межі. І чи існує взагалі межа без цього жесту, що блискавично долає та відкидає її?» [Jenks 2003: 754–755].

Дослідники ХХІ століття (Т. Бордан, К. Дженкс, О. Кирилюк, Д. Олльє, В. Табачковський, Л. Трехейр та ін.) і тепер продовжують звертатися до даної гілки філософського дискурсу саме через необхідність описати та проаналізувати межовий досвід як окремої людини, так і людства в цілому, що не мав прецедентів у минулому, але, водночас, виявляє засадничі аспекти людського світовідчуття та вибудовування свого Я в тотальній